

Шиллер Фридрих

Цитаты.

Ибо как объяснить столь всеобщее господство предрассудков и это омрачение умов при свете, который был возжен философией и опытом? Век достаточно просвещен, то есть знания найдены и провозглашены к всеобщему сведению в количестве, достаточном для того, чтобы исправить, по крайней мере, наши практические основоположения. Дух свободного исследования рассеял пустые призраки, которые долгое время заслоняли доступ к истине, и основа, на которой фанатизм и обман воздвигли себе трон, подорвана. Разум очистился от обманов чувств и от лживой софистики, и сама философия, которая сначала заставила нас отпасть от природы, теперь громко и настойчиво призывает нас в ее лоно, – отчего же мы все еще варвары?

Итак, если причина не в вещах, то должно быть нечто в душах человеческих, что препятствует восприятию истины, как бы сильно она ни светила, и признанию ее, сколь бы ни была она убедительной. Один древний мудрец это почувствовал и скрыл это в многозначительном изречении: *sapere aude*. Найди в себе смелость стать мудрецом. Необходима энергия в мужестве, дабы преодолеть преграды, которые противопоставляются приобретению знания как природную ленью, так и трусостью сердца. Древний миф, заставляющий богиню мудрости возникнуть в полном вооружении из головы Юпитера, имеет глубокий смысл: ибо первое же действие ее имеет воинственный характер. Уже при самом рождении она должна вынести тяжелую борьбу с чувствами, которые не желают отказаться от сладкого покоя. Большинство людей слишком утомлено изнуренной борьбой с нуждой, чтобы собраться с силами для новой и более тяжелой борьбы с заблуждением. Довольный тем, что избавился от неприятной необходимости мыслить, человек предоставляет другим право опеки над своими понятиями, и если в нем заговорят более высокие потребности, то он с жадной верой хватается за формулы, заготовленные на этот случай государством и духовенством. Если эти несчастные люди заслуживают нашего сожаления, то мы по справедливости презираем других, которых благодетельная судьба освободила от ига нужды, собственный же выбор вновь поработил ей. Он предпочитает сумерки темных понятий вызывающих живое чувство, – причем фантазия создает по собственному желанию удобные образы, – лучам истины, изгоняющим приятные призраки их сновидений. Они основали все здание своего благополучия именно на этих обманах, которые должны рассеяться пред враждебным светом знания, и им ли покупать столь дорогой ценой истину, которая начинает с того, что отнимает у них все, имеющее для них цену? Чтобы полюбить мудрость, им раньше нужно быть уже мудрыми – истина, которую сознал уже тот, кто дал философии ее имя. Итак, всякое просвещение рассудка заслуживает уважения лишь постольку, поскольку оно отражается на характере, но оно в известном смысле и проистекает из характера, ибо путь к уму ведет через сердце. Следовательно, самая настоятельная потребность времени – развитие способности чувствовать; и это не только потому, что оно служит средством к внедрению лучшего понимания жизни, но и потому, что оно само побуждает к лучшему пониманию.

т.6 стр.273

Наука и искусство отрешены от всего положительного и зависимого, от человеческой условности и пользуются безусловной неприкосновенностью со стороны человеческого произвола. Политический законодатель может оцепить их область, но господствовать в ней он не может. Он может изгнать друзей истины, но истина превозможет; он может унижить художника, но искусства подделка он не в состоянии. Правда, явление весома обычное, что наука и искусство преклоняются пред духом времени и что критический вкус предписывает творческому законы. Где характер становится непреклонным и твердым, там наука строго оберегает свои границы и искусство движется в тяжких оковах правил; где, напротив, характер становится слабым и дряблым, там наука стремится к тому, чтобы понравиться, и искусство – к тому, чтобы доставить удовольствие. В течение целых столетий философы и художники работают над тем, чтобы внедрить в низы человечества истину и красоту;

первые гибнут, но истина и красота обнаруживаются победоносно со свойственной им несокрушимую жизненной силой. Художник, конечно, дитя века, но горе ему, если он в то же время и воспитанник или даже баловень его. Пусть благодетельное божество своевременно отторгнет младенца от груди матери, дабы вскормить его молоком лучших времен, и даст дозреть до совершеннолетия под дальним греческим небом. И после того как он станет мужем, пусть он, в образе пришельца, вернется в свое столетие, но не для того, чтобы прельщать его, своим появлением, но ради того, чтобы беспощадно, подобно сыну Агамемнона, очистить его. Содержание он, конечно, заимствует из современности, но форму – из более благородного времени; он возьмет ее и вне всякого времени из безусловного, единства своего существа. Здесь из чистого эфира его демонической природы, льется источник красоты, не зараженный испорченностью поколений и времен, которые кружатся глубоко под ним в мутном водовороте.

т.6 стр.276

Не о тех говорю я, которые только потому поносят граций, что никогда не были ими обласканы. Каким образом могли бы оценить тихую работу вкуса по отношению к внутреннему и внешнему человеку и не обратить внимания на существенные выгоды культа прекрасного те, которые не имеют иного мерила ценности, кроме потраченного труда и ощутительной пользы? Человек, не ценящий формы, презирает всякое изящество речи, видя в нем заискивание, всякое тонкое обращение, видя в нем притворство, всякую деликатность и великодушные в поведении, видя в них лишь преувеличение и аффектацию. Он не может простить любимцу граций, что тот может, как душа общества занять всякий кружок, что в качестве делового человека он направит все умы сообразно своим целям, что как писатель он налагает отпечаток своего духовного облика на все свое столетие, между тем как первый, жертва усердия, не может, при всем своем знании, возбудить интерес, не может сдвинуть с места камня. Так как первый не может научиться у него гениальной тайне быть приятным, то ему не остается ни чего иного, как только оплакивать извращенность человеческой природы, которая более преклоняется перед видимостью, чем перед сущностью.

т.6 стр.280 письмо 10

Так как мир есть протяженность во времени, есть изменение, то совершенство способности, приводящей человека в связь с миром, должно состоять в наивозможно большей изменяемости и экстенсивности. ... Человек поймет тем большую часть мира, тем больше форм создаст он вне себя, чем большей силой и глубиной будет обладать его личность, чем большую свободу приобретет его разум. Итак, его культура будет состоять в следующем: во-первых, доставить воспринимающей способности разнообразнейшие соприкосновения с миром, а в чувствах развить наибольшую пассивность; во-вторых, для определяющей способности приобрести наибольшую независимость от восприимчивости и развить, возможно, более активность разума. Человек лишь тогда достигнет высшей полноты бытия в соединении с высшей самостоятельностью и свободой, когда оба качества соединятся, и вместо того чтобы потеряться в мире, он впитает в себя мир со всей его бесконечностью явлений и подчинит единству своего разума.

т.6 стр.292

На крыльях фантазии покидает человек узкие пределы настоящего времени, в которое он поставлен исключительной животностью, дабы стремиться вперед к неограниченной будущности, однако сердце его еще не перестало жить единичным и служить минуте, в то время как пред его головокружительным воображением встает бесконечное. Это тяготение к безусловному захватывает его врасплох во всей его животности, – и так как в этом смутном состоянии все его стремления направлены лишь на материальное и временное и ограничены лишь его индивидуальностью, то указанное требование побудит его только к тому, чтобы распространить в беспредельное свою индивидуальность, вместо того чтобы отвлечься от нее; вместо того чтобы стремиться к форме, он будет искать неиссякаемой материи; вместо неизменного он будет стремиться к вечному изменению и безусловному ограждению своего временного бытия. То же самое побуждение, которое, будучи применено к его мышлению и деятельности, повело бы его к истине и нравственности, теперь, отнесенное к его пассивности и чувствованию, создает лишь беспредельное желание, безусловную потребность. Итак, первые плоды, которые достанутся человеку в царстве духа – это забота и страх: и та и другой – следствия разума, – не чувственности, но разума, который по ошибке схватился не за тот предмет и относит свой

императив непосредственно к материи. Все безусловные системы эвдемонизма суть плоды этого древа, независимо от того, касаются ли они лишь сегодняшнего дня, или целой жизни, или – от чего эти системы вовсе не становятся более достойными уважения – целой вечности. Безграничная продолжительность бытия и благоденствия представляют лишь идеал вождения, то есть требование, которое могло бы быть поставлено лишь животностью, стремящейся в безусловное. Человек благодаря подобному проявлению разума теряет лишь счастливую ограниченность животного, не выигрывая ничего по отношению к своей человечности; он теперь получает перед животным лишь то незавидное преимущество, что благодаря стремлению вдаль теряет господство над на стоящим моментом; но во всей этой беспредельной дали он не ищет ничего иного, кроме настоящего момента. Однако чувственность еще долгое время будет подтачивать ответ, хотя бы разум и не ошибался ни относительно своего объекта, ни в постановке вопроса. Разум стремится согласно своему понятию к безусловному соединению и безотносительному основанию тот час, как только человек начал пользоваться рассудком и стал связывать окружающие явления, по причинам и целям. Для того чтобы только быть в состоянии поставить себе подобное требование, человек должен переступить за пределы чувственности, но чувственность пользуется именно этим требованием, для того чтобы вернуть себе беглеца. Именно здесь находится та точка, в которой он мог бы, окончательно покинув чувственный мир, взлететь от него к чистому царству идей; ибо рассудок вечно остается в пределах условного и точно предлагает вопросы, не будучи в состоянии дойти до предела. Но так как человек, о котором здесь идет речь, еще не способен к подобному отвлечению, то он будет искать в сфере своего чувства то, чего он не может найти в сфере своего чувственного познания и чего он еще не ищет за пределами этого познания, в чистом разуме; и, по-видимому, он это найдет. Правда, чувственность не доставляет ему ничего такого, что имело бы основание в нем самом и являлось бы законом для себя, но она показывает ему нечто, что не знает никакого основания и не уважает никакого закона. Так как человек не может успокоить рассудка каким-либо последним и внутренним основанием, то он заставляет его по крайней мере смолкнуть благодаря понятию бесосновательного и останавливается в пределах слепой зависимости от материи, так как он еще не может постичь высокой необходимости разума.

т.6 стр.336

Размышление (рефлексия) представляет собою первое свободное отношение человека к мирозданию, его окружающему. Если вождение непосредственно схватывает предмет, то размышление отдаляет свой предмет и делает его настоящей и неотъемлемой своей собственностью именно тем, что ограждает его от страсти. Необходимость природы, нераздельно господствовавшая над человеком в состоянии простого ощущения, в рефлексии отпускает его, в чувствах наступает тотчас примирение, и само вечно изменчивое время прекращает свой бег, разбросанные лучи сознания соединяются воедино, и облик бесконечного, форма, отражается на преходящем фоне. Как только свет засветил в человеке, так нет более ночи и вне его, как только мир наступает внутри его, тотчас прекращается и буря в мироздании и борющиеся силы природы находят покой в твердых пределах. Не удивительно поэтому, что древние эпопеи говорят об этом великом событии внутри человека как о революции, происшедшей во внешнем мире, и мысль одерживающую победу над временем, символизируют в образе Зевса, прекращающего царство Сатурна. Раб природы, человек, только ощущающий становится ее законодателем, раз он ее мыслит; природа, которая ранее господствовала над ним как сила, теперь стоит перед его оком как объект. То, что является для него объектом, не имеет над ним силы, ибо, чтобы стать объектом, оно должно испытать его силу. Поскольку он придает материи форму и пока он придает ее, до тех пор он не уязвим для ее воздействия; ибо уязвить дух может только то, что отнимает у него свободу, а именно доказывает свою свободу тем, что оформляет бесформенное. Только там место страху, где масса, грубая и бесформенная, господствует, и где в неясных границах колеблются мутные очертания; человек выше всякой природной угрозы, как только он сумеет придать ей форму и превратить ее в свой объект. Подобно тому, как человек начинает выказывать свою самостоятельность по отношению к природе как явлению, так он выказывает и свое достоинство по отношению к при роде как силе, и с благородной свободой он восстает против своих богов. Они сбрасывают личину привидений, которыми они пугали его детство, и, становясь его представлением, поражают его собственным обликом.

т.6 стр.339 "письмо 25"

Итак, нас не должен более смущать переход от чувственной зависимости к моральной свободе, ибо красота представляет как доказательство совершенного сосуществования первой со второй, так и доказательство того, что человеку незачем отбрасывать материю, для того, чтобы проявить себя в качестве духа.

т.6 стр.342

...моральная свобода человека нисколько не уничтожается необходимою физической зависимостью.

т.6 стр.341

Каким же явлением обнаруживается в дикаре вступление его в царство человечности? Как бы далеко ни шли мы вглубь веков, оно одно и то же у всех племен, вышедших из рабства животного состояния: наслаждение видимостью, склонность к украшениям и играм.

т.6 стр.343

Реальность вещей – это их дело; видимость вещей – это дело человека, и дух, наслаждающийся видимостью, радуется уже не тому, что он воспринимает, а тому, что он производит.

т.6 стр.344

Там, где мы у единичного человека или целого на рода встречаемся с откровенною и самостоятельную видимостью, там мы вправе предположить и ум, и вкус, и всякие связанные с ними навыки, там идеал управляет действительной жизнью, честь торжествует над собственностью, мысль над наслаждением и мечта бессмертия – над бытием. Там единственно страшным является общественное мнение, и оливковый веночек там будет в большем почете, чем пурпуровое платье. К ложной и хилой видимости прибегает лишь бессилие и извращенность, и отдельные люди и целые народы доказывают свое моральное ничтожество и эстетическое бессилие, когда они "подделывают действительность видимостью и (эстетическую) видимость действительностью, – то и другое часто сочетается в одно.

т.6 стр.347

...как уберечься художнику от порочности своего времени, окружающей его со всех сторон презрением к его суждениям? Пусть он смотрит вверх на свое достоинство и закон, а не вниз – на счастье и потребность, пусть будет одинаково свободным как от пустой деловитости, которая охотно накладывает свою печать на мимолетный момент, так и от нетерпеливой мечтательности, которая прилагает к тщедушным порождениям времени мерило безусловности; пусть он рассудку предоставит сферу действительности, в которой он свой; но сам он пусть стремится к рождению идеала из союза возможного с необходимым. Пусть он запечатлеет это в иллюзии и в правде, запечатлеет это в своей фантазии и в серьезности своих созданий, пусть выразит во всех чувственных и духовных формах и молча бросит в бесконечное время. Но не всякому, в душе которого горит этот идеал, дан творческий покой и великое терпение, дабы втиснуть идеал в молчаливый камень или вылить его в трезвое слово и доверить верным рукам времени. Слишком неистовое, чтобы воспользоваться этим спокойным средством, божественное творческое стремление часто непосредственно бросается на современность и деятельную жизнь и стремится преобразовать бесформенное содержание морального мира. Несчастья человеческого рода настойчиво говорят чувствующему человеку, но еще настойчивее говорит его принижение; возгорается энтузиазм, и пламенное желание в сильных душах нетерпеливо стремится к деятельности. Однако спрашивал ли он себя о том, оскорблен ли его разум этими беспорядками нравственного мира, или же они, скорее, причиняют страдания его самолюбию. Если он этого еще не знает, то познает по тому рвению, с которым он будет настаивать на определенных и ускоренных действиях. Чистое нравственное стремление направлено на безусловное, для него нет времени, и будущее для него становится настоящим, если оно по необходимости должно развиться из настоящего. Для разума, не знающего границ, направление есть уже свершение, и путь уже пройден раз на него вступили.

Итак, – скажу я молодому другу истины и красоты, желающему узнать от меня, каким путем ему найти удовлетворение благородному побуждению в его груди,

которому противится современность; – дай миру, на который ты влияешь, направление к добру, и спокойный ритм времени принесет уже дальнейшее развитие. Это направление ты дал ему, если ты, поучая, возвышаешь его мышление к необходимому и вечному, если ты, в своей практической деятельности или художественном творчестве, превращаешь необходимое и вечное в предмет его побуждений. Здание бредней и произвола падет, оно должно пасть, оно уже пало, как только ты уверен в том, что оно пошатнулось; но оно должно поколебаться внутри самого человека, не только во внешних его обнаружениях. Воспитывай победную истину в стыдливой тиши своего духа и вынеси ее из себя в виде красоты, чтобы не только мысль преклонялась пред ней, но и чувства охватывали бы любовно ее явление. И чтобы не пришлось ей брать с действительности образец, который ты должен дать, не вступай в опасное знакомство с действительностью ранее, чем будешь уверен в идеальном содержании своего сердца. Живи со своим веком, но не будь его творением; служи своим современникам, но тем, в чем они нуждаются, а не тем, что они хвалят. Не разделяя с ними их вины, неси благородно и безропотно их наказания и свободно склоняйся под игом, ибо им одинаково тяжело как переносить, так и быть лишенными его. Стойким мужеством, с которым ты отвергаешь их счастье, ты докажешь им, что не по своей трусости ты подчиняешься их страданиям. Представляй себе их такими, какими они должны быть, если ты желаешь на них влиять, но представляй себе их такими, какие они есть, если тебе придется действовать за них. Одобрения их ищи в их достоинстве, но счастья их ищи лишь в расчете на их недостатки; таким путем твое благородство пробудит их собственное, и цель твоя не будет уничтожена их недостатками. Серьезность твоих правил отпугнет их от тебя, но в игре они способны еще перенести их. Вкус их целомудреннее их сердца, и здесь – то именно и должен ты схватить боязливого беглеца; ты напрасно будешь нападать на их правила, напрасно осуждать их действия, но на их праздности ты можешь еще испытать свою творческую руку. Изгони из их наслаждений произвол, легкомыслие, грубость, и таким путем ты незаметно изгонишь это из их действий и помышлений. Где бы ты ни встретился с ними схвати их благородными, величественными и одухотворенными формами, огороди их отовсюду символами совершенного, пока, наконец, видимость не победит действительность и искусство – природу".

т.6 стр.277

Благополучие общества нарушается глупостью в той же мере, как и преступлением и пороком. Опыт, древний, как мир, учит, что в ткани человеческих дел самые большие тяжести зачастую висят на тончайших, нежнейших ниточках, и когда вам случается проследить поступки вплоть до их первоисточника, мы десять раз

улыбнемся прежде, чем, ужаснемся один раз. С каждым днем, на который я старею, мой перечень злодеев становится все короче, а мой список глупцов все обширнее и полнее. Если вся безнравственность одного пола вытекает из одного и того же источника, если все чудовищные крайности порока, когда-либо заклеившие этот пол, суть только видоизмененные формы, только высшие степени одного свойства, которое все мы, в конце концов, единодушно любим и с улыбкой поощряем, то почему бы природе ни пойти тем же путем и у другого пола? Мне известен один лишь секрет, как уберечь людей от ухудшения, а именно: ограждать свое сердце от слабостей.

Значительной доли такого воздействия мы можем ожидать от театра.

т.6

* ОДА К РАДОСТИ *

Эти стихи легли в основу 9-ой симфонии Бетховена

Радость, пламя не земное

Райский дух, слетевший к нам,

Опьяненные тобою,

Мы вошли в твой светлый храм.

Ты сближаешь без усилия

Всех разрозненных враждой,

Там, где ты раскинешь крылья,

Люди – братья меж собой.

ХОР

Обнимитесь, миллионы!

Слейтесь в радости одной!

Там, над звездною страной

Бог, в любовь пресуществленный.

Кто сберег в житейской вьюге

Дружбу друга своего,

Верен был своей подруге

Влейся в наше торжество!

Кто презрел в земной юдоли

Теплоту душевных уз,

Тот в слезах, по доброй воле,

Пусть покинет наш союз!

ХОР

Все, что в мире обитает,

Вечной дружбе присягай!

Путь ее – в надзвездный край,

Где неведомый витает.

Мать-природа все живое

Соком радости поит,

Всем дает своей рукою

Долю счастья без обид.

Нам лозу и взор любимой,

Друга верного в бою,

Видеть бога херувиму,

Сладострастие червю.

ХОР

Ниц простерлись вы в смиренье?

Мир! Ты видишь божество?

Выше звезд ищи его;

В небесах его селенья.

Радость двигает колеса

Вечных мировых часов,

Свет рождает из хаоса,
Плод рождает из цветов.
С мировым круговоротом
Состязаясь в быстроте,
Водит солнца в звездочетам
Недоступной высоте.

ХОР

Как светила по орбите,
Как герой на смертный бой,
Братья, в путь идите свой,
Смело, с радостью идите!
С ней мудрец читает сферы,
Пишет правды письма,
На крутых высотах веры
Страстотерпца ждет она.
Там парят ее знамена
Средь сияющих светил,
Здесь стоит она склоненной
У разверзшихся могил.

ХОР

Выше огненных созвездий,
Братья, есть блаженный мир.
Претерпи, кто слаб и сир,
Там награда и возмездье!
Не нужны богам рыдания!
Будем равны им в одном:
К общей чаше ликования
Всех скорбящих созовем.
Прочь и распри и угрозы!
Не считай врагу обид!
Пусть его не душат слезы
И печаль не тяготит.

ХОР

В пламя, книга долговая!
Мир и радость – путь из тьмы.

Братья, как судили мы,
Судит бог в надзвездном крае.
Радость льется по бокалам.
Золотая кровь лозы.
Дарит кротость каннибалам,
Робким силу в час грозы.
Братья, встаньте, пусть, играя,
Брызжет пена выше звезд!
Выше, чаша круговая!
Духу света этот тост!

ХОР

Вознесем ему хваленья,
С хором ангелов и звезд,
Духу света этот тост!
Ввысь, в надзвездные селенья!
Стойкость в муке нестерпимой,
Помощь тем, кто угнетен,
Сила клятвы нерушимой
Вот священный наш закон!
Гордость пред лицом тирана
(Пусть то жизни стоит нам),
Смерть служителям обмана,
Слава праведным делам!

ХОР

Братья, в тесный круг сомкнитесь
И над чашею с вином
Слово соблюдать во всем
Звездным судьей клянитесь!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!